Ночь: высокий, побеленный потолок

Автор: Spellbourne
15.04.2007 04:13 -

- Дышите сами! – как будто из далека донёсся низкий голос. Анестезиолог, заглянув на обложку истории, повторил: - Мария Петровна, дышите, дышите сами. Женщина открыла глаза и увидела перед собой перевёрнутое лицо врача. Не сразу поняв, что от неё хотят, она ощутила неприятное першение в горле. Невольно возникнувший кашель принёс ей облегчение.

- Ну, вот и хорошо, - сказал анестезиолог, вынимая эндотрахеальную трубку. – Дышите глубоко, все закончилось, перебирайтесь на каталку, - услышала она вновь знакомый голос.

С трудом, при помощи медсестёр, Мария Петровна грузно перевалилась на жёсткую плоскость. Потом был коридор хирургического отделения, лифт, вновь коридор. Проезжая по первому этажу она заметила своего мужа. Спившийся муж стоял почему то трезвый, и с вниманием слушал врача.

- Почему-то нет сына, наверное, не успел приехать, - подумала она.

Длинный, темный коридор первого этажа закончился, и она очутилась в палате реанимации. Ей было очень неловко, когда несколько человек одновременно взявшись, перенесли её, грузную женщину на койку.

Двухместная палата, кое-как перегороженная ширмой, с высоким побеленным потолком. За ширмой кряхтел старый дед, периодически крича и матерясь.

- Очень высокий потолок, побелённый не очень хорошо, - подумала Мария Петровна, и вспомнила свой дом в небольшом хуторе неподалёку. Хозяйство брошено. На мужа надеяться нельзя. Сын ещё не приехал.

– Хорошо если соседи, дай Бог им добра, догадаются присмотреть за домом.

– Скорее бы выздороветь, - вновь подумала она, пытаясь перевернуться на левый бок. Неприятное чувство першения в горле, боли в животе, отвлекали её от мыслей о доме, сыне, хозяйстве. Одурманивающее действие наркоза ещё не прошло, и Мария Петровна вскоре заснула с каким-то неприятным чувством тоски и безысходности.

Вздрогнув, она проснулась от очередного крика деда, который, по-видимому, не давал покоя никому. Наконец, помочившись под себя, больной успокоился. За ширмой санитарка, ворча и чертыхаясь, перестилала деда. Вскоре врач, голос которого, как ей показалось, только что слышала, подошёл к ней.

- Как много молодых врачей, - отметила про себя она, чем-то похож на сына. – Зачем он меня слушает, мнет живот, как-то странно улыбается? – Молодой какой, сыну примерно столько же, - подумала она вновь. – Наверное, мать так же где-то сейчас думает о нём. Хорошо, что деда успокоил, - путались мысли Марии Петровны. Ей было неудобно, что кто-то её смотрит, уделяет внимание. Это было непривычно, обычно она сама проявляла заботу.

Наконец врач ушёл. То ли от нахлынувших воспоминаний о сыне, то ли от чего-то ещё, но какое-то неприятное чувство загрудинной тоски осталось и беспокоило Марию Петровну всё сильнее. Она не хотела думать о прошлом, ещё больше ей было неприятно будущее!

Приняв дежурство и спустившись в приёмный покой, пришлось осознать, что ночь будет трудной. Надо ещё успеть посмотреть больных оставленных в хирургическом отделении, а также зайти в реанимацию. Заглянув в ординаторскую реанимации, доктор с удовлетворением отметил хороший состав дежурных врачей. Заходить в

ординаторскую не стал, решив поскорее осмотреть оставленных под наблюдение больных в реанимационном отделении.

Ещё в коридоре, услышав крик деда, он пожаловался реаниматологу, который довольно быстро его успокоил. В отделении находилось мало больных хирургического профиля, и доктор надеялся относительно быстро закончить свой обход. Повернув в двухместную палату, где находился успевший обмочиться дед, дежурный врач подошёл к койке больной, о которой ему обстоятельно рассказал только что сдавший смену оперирующий хирург. Речь шла о серьёзном клиническом случае. Женщина лежала на спине, оставив попытки лечь на бок.

Её лицо, не старой ещё женщины, было обветренное, загорелое, какое бывает у большинства женщин, привыкших к тяжёлому физическому труду. Ветер, холод, тяжёлая работа изо дня в день делали своё дело. Такие женщины, которым нет и пятидесяти лет, выглядят гораздо старше своего возраста. И это повсеместно в наших селах, хуторах, станицах. Кажется, что все они имеют что-то общее в своей внешности. Эти люди, смирившиеся со своей участью, очень стойко переносят все невзгоды и трудности жизни. Работа, хозяйство, пьяный муж, побои, воспитание детей – неотъемлемые атрибуты сегодняшней жизни деревенских женщин. Как правило, – эти люди очень добры, наивны, доверчивы и покорны. И в этот раз, восприняв болезнь как должное, она лежала на койке тяжело дыша, и, казалось, смирившись с тем, что с ней произошло и произойдет. Было видно, что, несмотря на тяжёлое состояние, она думала о чём-то другом, но не о своём здоровье.

Подсевший, уже никуда не спешивший доктор молча осмотрел мягкий живот, и неторопливо достал фонендоскоп. Выслушав верхние отделы грудной клетки, он медленно спустился вниз, с трудом отрывая, из-за липкого пота аппарат от кожи. Дойдя до нижних отделов грудной клетки, врач остановился в нерешительности довести обследование до конца. Поняв причину замешательства, больная свободной рукой приподняла левую грудь, давая тем самым себя дослушать. В этот момент доктор поднял глаза на больную и заметил, что она смотрит на него странным взглядом.

В её глазах было определённо что-то другое, но только не мольба о помощи. Обескураженный, выйдя из палаты, хирург не смог сразу понять, что это было. Какое-то близкое, знакомое чувство, которое он уже испытывал на себе ранее. Оно странным образом беспокоило его, не позволяло забыть происходящее.

Работая в приёмном покое, в операционной, он периодически вспоминал её, но так и не смог понять смысл случившегося.

Как правило, начинающие хирурги не любят крепкого чая или кофе, но вскоре они начинают понимать старых врачей, привыкших к крепким напиткам. Не так часто бывают тяжёлые дежурства, после которых развивается состояние близкое к прострации, к безразличию. Крепкий чай или кофе обычно дают возможность сосредоточиться над описанием хода операции, после почти улегшихся операционных волнений.

Сквозь мороз зимних рам уже виден конец ночи, хотя за окном ещё темно. Дежурство подходило к концу, и усталость давала о себе знать. Доктор прилёг, но заснуть уже не смог. В голове путались мысли. Вспомнилась мать, которой уже давно не звонил, а надо бы не только позвонить, но и навестить её. Вновь перед глазами появился взгляд женщины, осмотренной им в начале дежурства.

Наконец только сейчас он понял, что женщине было неудобно, за то, что она

доставила беспокойство врачу и пыталась хоть что-то сделать, чтобы помочь молодому хирургу, так похожему на её сына.

С неприятным чувством он спустился вниз по лестнице. Задумавшись, молча, прошёл мимо дежурных врачей реанимации, неохотно надевающих тёплые халаты. На узкой, выкрашенной в грязно-синий цвет, уже потёртой каталке, лежало грузное тело, накрытое дырявой простынёй. Зазвонил местный телефон, подтвердивший о приходе машины. Навалившись, врачи реанимации с трудом выкатили каталку в коридор, и медленно, скрипя колёсами, покатили её в сторону приёмного покоя. Гулко лязгнули двери. Машина тронулась, ярко осветив светом своих фар окна реанимации.

В двухместной палате лежал только дед, который осмелел, и уже не стесняясь, вновь откровенно матерился окрепшим голосом, приводя в смущение молодых сестёр.

Уже рассвело. Застучали вёдрами санитарки. Раздатчицы хлопали дверьми. Медсестры раздавали градусники недовольным, ещё не проснувшимся больным. Больница, просыпаясь, оживала.

Гайденок С.Г. gaydenkos@mail.ru